

УДК: 314.727.3

© К. В. Григоричев, 2013

ПРИГОРОДНЫЙ ФРОНТИР: ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДСКОЙ ПЕРИФЕРИИ (СЛУЧАЙ ИРКУТСКА)¹

Григоричев К. В. – канд. ист. наук, начальник научно-исследовательской части, тел.: (3952) 52-15-51, e-mail: kvg@isu.ru (Иркутский государственный университет)

В статье анализируется механизм формирования пригородов Иркутска как переходной зоны между городским и сельским социальным пространством. Процесс складывания такого пространства концептуализируется через идею фронта - подвижной нелинейной границы, представляющей собой пространство освоения горожанами физического и социального пространства села.

The article analyzes the mechanism of forming the suburbs of Irkutsk city as a transition zone between the urban and rural social spaces. The process of folding these spaces is conceptualized through the idea of frontier – the mobile nonlinear boundary, which represents a space of assimilation of the physical and social spaces of the village by townspeople.

Ключевые слова: пригород, социальное пространство, фронт, периферия, урбанизация, Иркутск.

Одним из важных следствий постсоветских трансформаций в российских регионах стало размывание стройной и достаточно жесткой системы разграничения городских и сельских территорий, их социального пространства. Поселенческая структура из поляризованной все более заметно преобразуется в континуальную [1], в рамках которой линейная граница между городами и Селами превращается в контактное пространство, обозначаемое урбанистами как «peri-urban interface» (пре-городской интерфейс) [2]. Такой интерфейс, понимаемый как многомерное социальное и протяженное физическое про-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 гг. соглашения №14.В37.21.0495 и №14.В37.21.0271

странство, включает, прежде всего, пригородные территории и их сообщества, быстро формирующиеся в ареалах влияния крупных городов России.

Одной из точек быстрого развития такого пригородного пространства и нового (и онтологически, и типологически) сообщества в 2000-е годы стала зона Иркутской агломерации. В течение всего одного десятилетия на периферии областного центра за счет интенсивной субурбанизационной миграции сложился комплекс пригородных поселений, численность жителей которого составляет уже не менее 80-85 тысяч человек. Основная часть этого населения, постоянно проживая в сельских по административному статусу населенных пунктах, имеют устойчивые связи с городом через трудовую деятельность, систему социальных связей, общее культурное пространство. Маргинальность, пограничность этого сообщества, обуславливает формирование здесь специфического комплекса практик, ориентированных на взаимодействие с городским и сельским пространством по новой, не свойственной ни одному из них, модели [3-5].

Констатация появления нового социального пространства логичным образом требует концептуализации процесса его появления. Поскольку основным механизмом формирования пригородного сообщества является миграция, такая концептуализация мне представляется возможной через идею фронта – подвижной границы, представляющей собой пространство освоения. Основой для использования этого концепта, на мой взгляд, является принципиальное сходство в генезисе и пригородных сообществ, и общин американского Дикого Запада, и переселенческого общества российской Сибири: во всех случаях формирование нового социального пространства происходило через территориальное движение населения. В отличие классической интерпретации (применительно как к американской, так и к российской истории) [6, 7], для моих целей фронт понимается как нелинейная, подвижная граница, зона освоения, реформирования Городом «под себя» экономического и социально-культурного пространства Села, пришедшая на смену довольно жесткому разграничению этих пространств ранее. Кроме того, обращение к исторической концептуальному аппарату мне представляется уместным и в силу длительности, пролонгированности исследуемого процесса, который охватывает пусть не продолжительный, но чрезвычайно насыщенный этап новейшей истории.

Еще в начале 90-х годов прошлого века граница между городским и сельским пространством в пределах Иркутской агломерации была достаточно жесткой, несмотря на довольно длительный опыт агломерационного развития и наличия устойчивых связей между входящими в нее городами. Административное разграничение Города и Села не только закреплялось нормативными документами и практиками повседневности, но отчетливо визуализировалось. Вплотную к границам городских поселений (в том числе и Иркутска) примыкали сельскохозяйственные угодья, а социокультурный, экономический и архитектурный ландшафт центральных и, тем более, периферийных

усадеб таких хозяйств мало отличался от подобных поселений в удаленных сельскохозяйственных районах области.

Фрагменты этой жесткой границы между областным центром и примыкающим сельским пространством, например, до сегодняшнего дня можно увидеть вдоль объездной дороги в районе микрорайона Ново-Ленино. Еще 15-20 лет назад по одну сторону дороги располагались массивы пятиэтажных «хрущоб», а по другую обрабатывались поля совхоза Мамоновский. Дорога символично разделяла два этих пространства, воплощая собой барьерность и линейность границы. Располагавшиеся в ключевых точках городского периметра (на выездах из города по основным трактам) пункты ГАИ/ГИБДД не только выполняли прагматичную функцию контроля, но и символизировали собой пограничные КПП – места легального пересечения этой границы.

Взаимопроникновение миров сквозь такой барьер (и в смысле социальной мобильности, и в смысле миграционного движения) было канализировано в равной мере как через систему социальных лифтов и шлюзов, так и через систему пригородного транспорта. В переполненных автобусах и вагонах электричек «дачных» направлений, где псевдо-общинные ценности приходили вместе с чувством локтя соседа, индивидуализированное сознание горожан принимало на время коллективистские модели поведения Села. Иными словами, пригородный общественный транспорт играл роль механизма адаптации к иной социокультурной среде, был способом вхождения в иное сообщество и принятия правил игры, сложившихся в нем.

Формирование нового типа пригородных поселений было во многом обеспечено стремительной автомобилизацией: с 1989 г. по 2001 г. число легковых автомобилей в Иркутске выросло с 50 до 140 тысяч [8]. Поездка в пригородные села, еще недавно бывшее «путешествием», оказалась не сложнее рутинных внутригородских поездок, а транспортная доступность пригородной зоны стала едва ли не выше, чем городского центра из наиболее отдаленных районов Иркутска. Монополия общественного транспорта как канала проникновения горожан в пригород оказалась разрушена, и Город, подталкиваемый конъюнктурой рынка жилья, массово и бесконтрольно «поехал» в Село. В этом смысле символичным стало упразднение в 2010-2012 гг. ряда стационарных постов ГИБДД: открывающаяся граница утрачивала главные «барьерные» символы – «шлагбаум» и «Карацупу с Джульбарсом».

Горожане приходят в пространство Пригорода не постояльцами, наслаждающимися летне-пасторальной идиллией, трехмесячной сиейстой, дающей отдых душе и стимулирующей творчество, не батраками «шести соток», вынужденными заимствовать опыт селян, а поселенцами, предполагающими прочно осесть на новых местах с максимальными для себя удобствами. Они не готовы принять бытовые неудобства как должные атрибуты сельской жизни (хотя бы в виде «удобств на улице» и типового для села досуга), но стремятся изменить их в соответствии с привычными стандартами жизни. Привносимые ими технические и культурные новшества (от локального электро- и водоснабжения до фитнес-клуба), более доступные им как в силу более

высокого уровня доходов, так и по причине большей технической грамотности и меньшей зависимости от традиций, производят небольшую революцию в образе жизни пригорода.

Наиболее зримым проявлением этой революции становится быстрая трансформация архитектурного ландшафта пригорода. Типичная сельская застройка вначале отстывает, а затем и вовсе перестает преобладать в местах массового переселения горожан. Зачастую такие поселки выглядят заметно более городскими, нежели многие уголки областного центра. С учетом специфики развития Иркутска, в центре и многих районах которого до сегодняшнего дня остаются обширные кварталы деревянных трущоб, городское пространство, как видно, все более выходит за административную черту города. Там же, где застройка пригородных территорий начинает вестись организованно и системно, формирующийся новый ландшафт становится мягким переходом от микрорайонов многоэтажных панельных домов к традиционной сельской застройке.

Таким образом, линейная граница между Городом и Селом, отчетливо видимая еще полтора-два десятилетия назад, довольно быстро становится пространством освоения. Пространством гибким, расширяющимся, меняющимся – фронтальным. Расширение этого пространства наиболее отчетливо заметно там, где застройка новых жилых массивов идет буквально в «чистом поле», зачастую на землях сельскохозяйственного назначения (окраины с. Хомутово, Грановщина, Урик – северные пригороды Иркутска; поселки Сергиев Посад, Николов Посад – на юге от областного центра и другие). Нередки ситуации, когда убранное осенью картофельное поле весной уже размечалось будущими улицами и участками под застройку. Здесь складывается своеобразный передний край «городского фронта», где горожане зачастую оказываются один на один с природным катаклизмами не только в силу «географического фактора», но в силу неурегулированности правового статуса:

«В прошлом году у нас паводок был большой – много снега было. Многие низины затопило, на метр, даже больше вода поднималась. Вот этих застройщиков стало затопливать. Прибегают к нам в администрацию, ругаются, что мы ничего не делаем – «у нас вода под подоконниками». А мы им: «А вас у нас нет... Там где затопило – это у нас земли под свеклу предназначенные. А домов ваших там нет...» [из интервью с сотрудником районной администрации, 2010].

Наряду с расширением зоны фронта за пределы жилой (освоенной) территории, все более заметным становится реорганизация пространства внутри фронтальной зоны. На первых этапах экспансии горожан пространственное развитие пригородных поселений шло по привычным схемам разделения «старой» и «новой» деревни, «села» и «садов». Застройка усадеб горожан шла, преимущественно, на окраинах поселений достаточно компактным районом. Это задавалось как сложившимися десятилетиями практиками отношений горожан и местных жителей в пригороде, так и опытом приема более или менее заметных групп переселенцев из несельскохозяйственных

населенных пунктов в пригородных селах. Наиболее яркий пример последнего случая – описанное С. Карнауховым переселение сотрудников геологических организаций, жителей северных рабочих поселков в с. Усть-Куда (Иркутский район) [9]. Новый для села поток «горожан», прибывших на постоянное место жительства, был довольно быстро вписан в логику размежевания «старой» и «новой» деревни между «местными» и «геологами».

С расширением присутствия горожан в пригородных поселениях как постоянных жителей и ростом «городской» застройки, началось включение в новую среду и местного населения. Наиболее успешные и активные «коренные» жители, пользуясь предоставленной местной администрацией землей для нового строительства, начали строить жилье в одних массивах с горожанами, а высвобождающееся в «старом» селе жилье нередко продавалось при езде. Вероятно, этому способствовало и то, что более высокие жизненные стандарты в районах новой массовой застройки задавались не городской элитой («новыми русскими»), а «средним классом», что делало их, в принципе, достигаемыми и для многих жителей пригородного села.

«Знаю по тому поселку Западный, который вы видите. Там очень много делают как: часть выделена земля от местной администрации, построились дети, родители оставались в старом селе, дети строились в новом. <...> Потом постепенно родители туда перебираются. <...> Здесь, т.е. освобождается место, да, семья переезжает в новый поселок, здесь освобождается место, на его приходят уже люди, т.е. любой человек, допустим по сертификату. Им нужно уже готовое жилье, не строящееся. Такое жилье может быть только в старом селе, т.е. готовое, в которое уже можно въехать уже сразу же».

Подчеркну принципиальное отличие подобных субурбий от коттеджных поселков 90-х годов. Последние представляли собой форму элитного потребления [10] и практически целенаправленно создавали анклав с непреодолимой границей между обитателями поселка и жителями близлежащих поселений (иногда даже физической – в виде каменного забора, шлагбаума и службы охраны). Формирующаяся же субурбия не только не ограничивает, но и предполагает включение в свой социум представителей «местного» населения. Открытость, пластичность новой группы в пригородном сообществе близко соответствует характеристикам населения области классического фронта, которая «в социальном и культурном отношении <...> представляла собой с самого начала лабораторию смешения рас и народных обычаев» [11].

В подобном фронтальном пространстве происходит довольно быстрое разрушение устоявшихся в исходном (сельском) пространстве норм и практик, в том числе и адаптационных, связанных с включением мигрантов (горожан) в принимающее (местное) общество. Здесь складывается благоприятная почва для выработки широкого репертуара практик взаимодействия с принимающим обществом, не свойственная ни городской, ни сельской среде в чистом виде. Более того, сама гетерогенность фронтального сообщества, которое в данном случае выступает как принимающее по отношению к различ-

ным группам мигрантов, предполагает расширение комплекса адаптационных механизмов, стратегий, инструментов, поскольку такое взаимодействие здесь не сводится к традиционной дихотомии «мигранты – местное сообщество». В этом фронтальном, а потому постоянно трансформирующемся пространстве, число контактирующих групп велико: это и мигранты из сельской местности, перебирающиеся поближе к крупным городам, и горожане, выехавшие в пригородную зону для постоянного жительства, и различные группы трансграничных мигрантов, и «коренное» население пригородных поселков. Здесь кратно умножаются и усложняются адаптационные процессы, которые из привычных двусторонних становятся многовекторными.

Библиографические ссылки

1. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: Ленанд. 2013. С. 19
2. *Adell G.* Theories and models of the peri-urban interface: A changing conceptual landscape. Draft for discussion / Strategic Environmental Planning and Management for the Peri-urban Interface Research Project. March 1999
3. *Григоричев К.* Местные сообщества и местная власть в неинституализированном пространстве: случай пригородов Иркутска // *Полития*. – 2013. – №1.
4. *Григоричев К.* От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI века // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*. – 2012 – №2(9) – Ч.2 С. 44-51;
5. *Григоричев К.В.* Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации // *Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология»*. – 2011. - Выпуск 4/1 (72/1). - С.53-59.
6. *Замятина Н. Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. - 1998. - №5. - С.76.
7. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. - Новосибирск: РАН, 2005.
8. *Михайлов А.Ю., Головных И.М.* Современные тенденции проектирования и реконструкции улично-дорожных сетей городов. - Новосибирск: Наука, 2004. С.14
9. *Карнаухов С.* Усть-Куда: когда «чужие» остаются // *Байкальская Сибирь: Фрагменты социокультурной карты*. - Иркутск: Типография №1, 2002. С. 13-19
10. *Хэмфри К.* Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). - М.: Наталис, 2010. С. 219
11. *Диксон У.* Литературная культура на фронтире // *Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. II*. - М.: Прогресс, 1978. С. 189